

Особенно много работы бывало, когда завязывались нешуточные бои в Автове, позади больницы Фореля, за поворотом на Таллинское шоссе, или в районе Лигово – Старо-Паново. Вернусь из части, разверну блокнот, отстреляюсь на машинке, и кто-нибудь увозит тексты на Охту – в номер.

Завязывались связи с друзьями из дивизионных газет нашей армии. Ближе всех были Дмитрий Остров и поэт Юрий Зимин из газеты 189-й СД.

Юра погиб при взятии Нарвы. В 13-й дивизии общался с Наталией Леонидовной Дилакторской, писательницей пожилой и бесстрашной: потом на моих глазах она мужественно защищала М.М.Зощенко от нападок Жданова в актовом зале Смольного.

Имея пропуск на Охту, я теперь вполне легально мог выбраться в город, к родным, если освобождался на вечер. Но встречи были недолгие. Пережив блокадную зиму, мать, сестра и брат эвакуировались с эшелонам писателей в Ташкент. Тем же эшелонам уезжала А.А.Ахматова, ведал поездкой Ю.П.Герман – позже он принимал меня в союз. У моих родных самый ценный багаж составляла пишущая машинка. Она и впрямь позволила маме быстро найти работу в городе Чиназ, откуда я получал теперь письма.

Служба моя продолжалась установленным порядком. Разве что больше, чем во времена 85-й СД, приходилось бывать в частях. Зато ни машинисткой, ни корректором меня больше не считали. Напротив, мои авторские акции росли. 9 мая 1942 года (9 мая – но как далеко еще было до Победы!) газета «Удар по врагу» поместила краткую информацию: у нас в редакции собрались

Давид ЗОЛОТНИЦКИЙ

писатели-фронтовики, приехала тогдашняя руководительница ленинградской писательской организации Вера Кетлинская, с ней писатели Иван Кратт, Александр Штейн и другие. Состоялось выездное заседание президиума союза. Речь шла о работе писателей в городе, в армии и на флоте, потом раздали гостинцы, присланные фронтовикам. Из присутствовавших упоминались в заметке Н.Дилакторская, А.Дементьев, П.Никитич, я. П.Никитич (настоящая фамилия – Ребус) занимал штатную должность писателя в нашей газете: должно быть, он и составил отчет, а может, и организовал встречу.

Газета «Удар по врагу» велась, на мой взгляд, основательно и вполне отвечала своим задачам. Неожиданностью для всех нас стал сердитый обзор, который напечатала 15 октября 1942 года газета Ленфронта «На страже родины». Там досталось многим, начиная с главного редактора Седунова. И на этот раз проскользнула знакомая фраза: «В частях бывают лишь два сотрудника – заместитель политука тов.Яковлев и красноармеец тов.Золотницкий». Все-таки это было не совсем справедливо.

А меня как раз в те дни ждало еще одно непредвиденное событие. Из военной газеты меня послали... в мирный журнал «Звезда», тот самый, где начиналась моя литературная биография. Теперь он возродился после первой блокадной зимы.

Повторяю: я был рядовым. И это давало возможность проделывать со мной то, что не вышло бы с офицером: не демобилизуя, прикомандировать к вполне партийному учреждению.

На Ленинградском фронте

Война продолжалась стремительными скачками. Через полгода я снова на передовой. Высадка в районе Шлиссельбурга. Сиявинские болота. 8-я ГЭС. Лицом к лицу с противником.

Наша рота при поддержке артиллерии прошла «нейтральную полосу» и довольно глубоко вклинилась в расположение немцев. Ночью к нам заслали двух разведчиков. Одного пришлось пристрелить, другого, с тяжелой рацией за плечами, взяла. Как единственному, кто немного знал немецкий язык (в рамках школьной программы), мне же поручили и доставить пленного на КП дивизии. Здоровенный такой бугай, с бычьей шеей, всю дорогу озирался и повторял:

– Mein Vater ist Schmied (мой отец кузнец).

Словно бы гордился пролетарским происхождением и призывал к международной солидарности трудящихся.

Его иллюзии разбили наши танкисты. Они как-то умудрились усадить свой танк неподвижно в Сиявинских болотах. И хотя с места им было не сойти, еще и постреливали в сторону немецких позиций, на что им отвечали массированными залпами. Когда я проводил моего пленника мимо танка, они высыпали на встречу и, размахивая пистолетами ТТ, заорали:

– Фашист! Фашист! Пристрелить гада!

Тут мне пришлось немца защищать и, упреждая, направить на них автомат:

– Сами сперва возьмите своего! Кое-как довел немца до КП дивизи-

зии. Для начала его бегло допрашивал комдив. Мне выпала честь быть предварительным переводчиком.

Назад, на передовую танкисты пропустили меня спокойно.

В тех боях я был опять ранен осколком мины. Предстояла операция. Меня отправили в Ленинград. Набитый ранеными, санитарный поезд подошел прямо к Александрово-Невской лавре: там был распределитель. Я попросился в эвакуогоспиталь 10-14: он располагался в нашем Герценовском институте, там комсоргом госпиталя работала моя жена Эт в звании лейтенанта. Чуть что не так – ставила меня, рядового, по стойке смирно.

С осени 1943 года я – боец 224-й СД. Вместе пройден весь оставшийся путь. Участвовал в боях за освобождение Красного Села, Гатчины (дивизия получила название Гатчинской) и дальше, дальше – до Пскова (в районе Карамышево). В конце концов дивизию нашу изрядно потренили, и нас, кто остался, отправили на переформирование. Место назначения оказался почти что курорт: Карельский перешеек, станция Сайраля за Выборгом, на полпути к Сортавалу. Финны уже вышли из войны, и наши части оборудовали границу, – до нее было рукой подать, однажды я даже нечаянно ее перешел, и меня с криками за вернули. Я снова работал в дивизионной газете: она называлась «В бой за родину». Жили почти по мирному распорядку, как в летних лагерях. В клубе смотрели трофейные фильмы, после отбоя старшие товарищи учили меня играть в префе-

ранс. Кто-то донес о нашей игре начальнику политотдела полковнику Любченко. Ближе к ночи он навелся к нам. Мы обидели. А он подсел к столу, посмотрел на игру и вдруг сказал:

– Возьмете меня четвертым?

Наши досуги стали легальными.

Вообще полковник Любченко был основателем, ровен, справедлив. Меня он, по моему, любил. Помню его как одну из светлых личностей на войне.

Того не мог бы сказать о его заместителе, подполковнике Цапелине...

В самых первых числах мая 1945 года, когда пахло близкой Победой и предполагались гулянья и концерты (ожидался очередной приезд из Выборга актерской бригады 23-й армии, где выступал, к слову сказать, Владислав Стржельчик), дивизию подняли по тревоге. Погрузили в теплушки и куда-то помчали. Пересекли Латвию, Литву, опять очутились в Латвии. Ленинградский фронт остался позади. В дороге, по радио, услышали: Победа! А нас все мчат. Высадились где-то в предместье Либавы. Там еще заканчивались бои с группами противника, не желавшими сдаться. Но к нашему прибытию и эти бои утихли.

От Ораниенбаумского пятачка – к пятачку Тукумс–Либава. Дорого они обошлись, эти географические понятия.

На память остались медали «За оборону Ленинграда», «За отвагу» (после боев под Гатчиной) и с десятком других, а с ними – орден Отечественной войны первой степени.